

Услышав этот неожиданный смех, мы втроём замерли, а затем одновременно обернулись к вековой иве, откуда он доносился. Из-за дерева вышел человек: с красивыми чертами лица, сияющими от улыбки глазами и выражением искреннего доброжелательства на лице, которое, однако, по неизвестной причине показалось мне донельзя неуместным.

Он слегка приподнял сборник китайской поэзии, который держал в руках, и, глядя на нас с улыбкой, кивнул:

— Прощу прощения, я не хотел подслушивать ваш разговор.

Лэй Цзин и Цзин Си промолчали, а я улыбнулся и произвел:

— Ничего страшного, к тому же мы не обсуждали ничего такого, что нельзя было бы услышать посторонним.

Честно говоря, я всегда крайне прохладно относился к подобным извинениям. Если человек действительно не желал подслушивать наш разговор, ему следовало отойти с самого начала. Но заявлять, что это вышло случайно лишь после того, как тебя поймали за руку, неизменно заставляет думать о фальши.

Тот парень бросил на меня взгляд и улыбнулся:

— Приветствую, я с факультета иностранных языков. Меня зовут Цзинь Чэнь, можете звать меня А-Чэнь.

Лэй Цзин приподнял бровь:

— Цзинь Чэнь? Кореец?

Цзин Си скривил губы:

— Ещё чего. Фамилия Цзинь вовсе не монополия одних корейцев. Может, он вообще из Северной Кореи или японец.

Цзинь Чэнь перевёл взгляд на Цзин Си и лучезарно улыбнулся:

— Какая у вас проницательность! Я действительно японец, из Токио. Очень интересуюсь китайской культурой, поэтому и приехал учиться в Китай.

Лэй Цзин скривился так, будто съел что-то кисдое, а Цзин Си, скрестив руки на груди, холодно бросил:

— Не нужно меня хвалить, проницательности мне и правда не занимать.

С этими словами он посмотрел на меня:

— Пошли, на пары пора.

Я кивнул и сказал Цзинь Чэню:

— Тогда мы пойдем, приносим извинения, если побеспокоили ваше чтение.

Хоть я и произнес эти слова, в душе меня наконец-то осенило: теперь стало понятно, откуда взялось то странное ощущение неуместности в самом начале. Оказалось, он иностранец — пусть по-китайски говорит и неплохо.

Китайцы, японцы и корейцы — все мы азиаты, но от выходцев из Кореи или Японии всегда исходит какое-то неуловимое ощущение, заставляющее с первого же взгляда понять: перед тобой не соотечественник. Эта чужеродность, возможно, проистекает из самой их сути, скрытой за вежливым фасадом отчуждённости. Точно так же и сейчас: на лице Цзинь Чэня сияла открытая улыбка, но от него веяло пугающим, абсолютным холодом.

Когда мы втроём уже собирались уходить, Цзинь Чэнь сделал несколько быстрых шагов и преградил нам путь:

— Можем мы подружиться? Я недавно в Китае и ещё не освоился здесь. Судя по вашим словам, я догадался, кто вы. Вы те самые легендарные три мушкетёра с экономического факультета, верно? Простите, я не хотел вас обидеть, просто очень хочу с вами подружиться.

С этими словами он посмотрел на Цзин Си:

— Судя по тому, что я услышал, вы — Цзин Си?

Доверив фразу, он протянул руку.

Цзин Си глухо хмыкнул и отказался:

— Пожалуй, обойдёмся без рукопожатий. Мы же не на саммите глав государств.

Цзинь Чэнь опустил руку, ничуть не выказав досады, и, глядя на него, произнёс:

— Можете звать меня А-Чэнь.

Цзин Си бросил на меня многозначительный взгляд с полуулыбкой и сказал:

— Студент Цзинь Чэнь, у нас ещё занятия, мы пойдем.

Сказав это, он развернулся и зашагал прочь первым. Мы с Лэй Цзином последовали за ним.

Пройдя какое-то расстояние, Лэй Цзин вполголоса зашептал мне:

— Тебе не кажется, что этот Цзинь Чэнь как-то странно равнодушен к Цзин Си?

— С чего ты взял? — приподнял бровь я.

Лэй Цзин кивнул:

— Сам подумай: он здоровался только с Цзин Си, нас он явно в упор не замечал.

Я протянул «о» и не стал развивать тему. Лэй Цзин пожал плечами и тоже замолк. Цзин Си же шёл, уткнувшись носом в землю и выглядя несколько угрюмым.

Весь оставшийся утренний цикл занятий Цзин Си пролежал на парте, находясь на грани сна и бодрствования, пока я сидел рядом и спокойно вёл конспект.

Когда прозвенел звонок на последний урок, он всё ещё лежал, уткнувшись лицом в стол. Я легонько толкнул его в плечо. Цзин Си приоткрыл глаза и, сонно моргая, пробормотал:

— Наконец-то всё закончилось.

Я кивнул:

— Может, это из-за лекарств? Откуда такая сонливость? В школе холодно, иди домой и поспи нормально, не хватало ещё ухудшить простуду.

Цзин Си поднялся с места и сладко потянулся:

— Дело не в простуде, просто вчера толком не сомкнул глаз. Вернусь, отосплюсь — и всё пройдёт.

Лэй Цзин язвительно ухмыльнулся из соседнего ряда:

— Что, ночью по чужим карманам лазил?

Цзин Си посмотрел на него, и в его глазах сразу прояснилось. Слегка приподняв брови и изогнув губы в лукавой улыбке, он парировал:

— А почему бы тебе, с твоей безудержной фантазией, не заявить, что я всю ночь кутил на оргии? По сравнению с твоими умственными способностями версия с воровством звучит как-то мелко, не находишь?

Лицо Лэй Цзина мгновенно залилось краской.

— Да вы сами меня запутали! — возмутился он.

Цзин Си презрительно фыркнул, глядя на меня:

— А-Жун, пойдём. Нам с тобой не стоит уподобляться некоторым особо популярным личностям. Зачем нам, одиноким странникам, стоять здесь и работать громоотводами, вызывая всеобщее раздражение?

Лэй Цзин тут же поспешно запротестовал:

— Да кто говорит, что вы мне мешаете? Пойдёмте лучше вместе пообедаем!

Заметив его неловкое выражение лица, я улыбнулся и ответил:

— Иди поешь с Ян Цзин, а мы с Цзин Си вернемся домой.

Цзин Си покачал головой:

— Молодой господин Лэй, завоевать девушку вовсе не означает, что о ней больше не нужно заботиться. Ян Цзин — хорошая девочка, обращайся с ней должным образом и не относись к отношениям легкомысленно. Смотри, а то бросит.

Лэй Цзин принял серьёзный вид:

— Разумеется, я знаю, что она хорошая девочка. В отличие от тебя, завязанного ловеласа, я не собираюсь играть с ней в игры. Я намерен на ней жениться.

Глядя на его серьёзное лицо, в котором уже проступали черты будущего взрослого мужчины, я почувствовал лёгкую ностальгию и смешанное чувство в груди. В конце концов я лишь улыбнулся и повторил:

— Цзин Си прав, Ян Цзин — отличная девушка, береги ее.

Лэй Цзин согласно хмыкнул и торжественно кивнул.

Хотя все мы трое произнесли вроде бы одни и те же слова, на душе у каждого было по-своему, но я вовсе не собирался вываливать на Лэй Цзина лишние подробности.

Распрощавшись с Лэй Цзином, мы пошли дальше, и Цзин Си вдруг спросил:

— Этот парень Лэй Цзин в последнее время выглядит всё более подкаблучником. Впрочем, Ян Цзин девушка умная, так что сумеет держать его в узде.

Я услышал это и спокойно ответил:

— Угу.

Цзин Си бросил на меня взгляд, полный испытующего интереса:

— Тебя так задели слова о Лэй Цзине и Ян Цзин?

— К чему ты клонишь? — поинтересовался я.

— Ни к чему, — отмахнулся Цзин Си, глядя прямо перед собой. — Кстати, что думаешь об этом Цзинь Чэне?

— Очень воспитанный, похоже, из влиятельной семьи. Не исключено, что столкнемся с ним в будущем на деловом поприще, — подумав, ответил я.

Если говорить начистоту, в прошлой жизни я о таком Цзинь Чэне не слышал. Раз уж судьба свела нас в этой, остаётся лишь гадать, какую роль он сыграет в нашей жизни. С первого взгляда было очевидно: человек этот крайне непрост. Становиться мишенью для того, кто тебе неприятен — удовольствие ниже среднего.

При этой мысли я нахмурился. Я уже однажды прошёл через смерть, так что подобные вещи меня, конечно, не пугали, но раз уж выпал шанс прожить жизнь заново, лучше обзавестись лишним другом, чем плодить врагов.

— И это всё? — снова подал голос Цзин Си.

Я очнулся от раздумий и недоумевающе посмотрел на него. Цзин Си, засунув руки в карманы и глядя на дорогу, произнёс:

— Он попросил называть его А-Чэнем. Что ты об этом думаешь?

— Просто обращение, ничего особенного, — с улыбкой отозвался я.

Цзин Си хранил непроницаемое выражение лица, а затем, снова устремив взгляд вперёд, тихо вздохнул.

На самом деле я прекрасно понимал смысл его слов. Обращение А-Чэнь звучало слишком интимно — точно так же, как он сам звал меня А-Жун. Я понимал и то, зачем он задавал эти вопросы: это была разведка боем, замаскированная под лёгкую шутку. Точно так же он отпускал двусмысленные колкости и нарочито небрежно бросал нежные прозвища.

Хоть я всё и понимал, ответить на это было нечего, поэтому оставалось лишь притворяться несведущим.

Цзин Си больше ничего не сказал. На его губах играла улыбка — ровно та самая, с которой я некогда оставался в неведении относительно его истинных чувств. Беззаботная, но до боли

красивая на его тонком лице.

Я знал, что у него тяжело на сердце, но поскольку подобрать нужные слова утешения я не мог, мне оставалось лишь делать вид, будто ничего не происходит. По правде говоря, если бы он прямо сейчас заявил, что влюбился в кого-то другого, я бы искренне за него порадовался: в конце концов, моё сердце ещё не было отдано ему, и он имел полное право сделать другой выбор.

Цзин Си понимал это. А раз понимал и осознавал всё до конца, ему было лишь больнее.

Он хранил молчание, я тоже больше не проронил ни слова. Так продолжалось до самого дома, куда он подвёз меня на машине. На прощание я взглянул на него. На его лице застыла горькая, холодная улыбка:

— Ты ночевал вне дома, родители наверняка ужасно волновались.

— Не хочешь зайти? — предложил я.

Он покачал головой:

— Пожалуй, воздержусь. Боюсь, если зайду, то не сдержусь и наговорю лишнего, а потом ты станешь меня винить.

Я знал, что сейчас он просто не вынесет вида моего лица. Человек, охваченный глубочайшим чувством неуверенности в момент признания, больше всего жаждет услышать заветное согласие от объекта своей страсти, а уж тем более такой гордец, как Цзин Си, привычный почивать на лаврах любимца судьбы.

Поэтому я не стал настаивать, лишь слегка поджал губы:

— Хорошо. Тогда отдохни как следует, когда вернёшься.

Цзин Си кивнул.

Выбравшись из машины и проводив его взглядом, я повернулся и направился к дому.

Отец и мать были дома. Оба выглядели парадно одетыми. Завидев меня, мама с улыбкой произнесла:

— Только что о тебе вспоминали. Сын твоего дяди Ли, Шуцзюнь, сегодня вернулся из Америки и приглашает нас на ужин. Раз уж ты как раз вовремя вернулся, поедem вместе.

Выслушав её, я покачал головой:

— Езжайте вдвоём, а я пас. У вас деловой ужин, мое присутствие там ни к чему.

Отец добродушно рассмеялся:

— Какое ещё присутствие ни к чему? Шуцзюнь тебе не чужой человек, к тому же вам, молодым, полезно пообщаться.

Раз уж отец выразился столь категорично, мне пришлось согласиться.

С дядей Ли я был знаком: он являлся давним другом моего отца, но обосновался в США и на родину выбирался редко. Ли Шуцзюня мы, разумеется, тоже знали — в детстве он даже жил у нас. Кроме того, у него была младшая сестра Ли Шань, чертами лица напоминавшая изящную фарфоровую куклу, живая и бойкая — идеал невестки в глазах моих родителей.

Ли Шань питала ко мне слабость, но я не отвечал ей взаимностью. Не любил в прошлой жизни, и тем более не собирался начинать в этой.

Впрочем, отсутствие чувств — одно, а светские приличия — совсем другое. В конце концов, она была дочерью дяди Ли, и пока девушка не переходила границы дозволенного, я был готов проявлять снисходительность.

Ли Шуцзюнь забронировал столик в самом престижном ресторане города. Когда мы прибыли, швейцар сразу проводил нас в отдельный кабинет. Ли Шуцзюнь и Ли Шань уже ждали там.

Будучи старше меня на четыре-пять лет, Ли Шуцзюнь производил впечатление человека весьма зрелого. Завидев нас, он слегка улыбнулся:

— Дядя, тётя, Шэнь Жун, давно не виделись.

Ли Шань тут же последовала его примеру.

Отец приветливо улыбнулся:

— Ишь ты, какой вежливый. Вернулся на родину — и даже словечком не обмолвился, про встречу в аэропорту я уж молчу, так ещё и нас на ужин зовёшь.

— Дядя, ну что вы говорите, — сдержанно улыбнулся в ответ Ли Шуцзюнь, усаживая отца с матерью на почётные места. Сам он сел рядом с отцом, я — возле матери, а Ли Шань примостилась прямо за моим плечом.

Блюда подали быстро. Ли Шань оживлённо взглянула на меня:

— Брат Шэнь Жун, ты словно изменился с нашей последней встречи.

Я повернулся к ней с улыбкой:

— Вот как? И в чём же?

Она склонила голову набок:

— Стал намного взрослее.

Отец тоже улыбнулся, и в его волевом лице промелькнула гордость:

— И то верно, Шань-Шань. Этот парень в последнее время вдруг так повзрослел, что мы с твоей тётёй то и дело ломаем головы, с чего бы это.

Я вздохнул:

— Пап, мне скоро двадцать, вообще-то я уже взрослый.

Отец хмыкнул, воздержавшись от комментариев, зато Ли Шуцзюнь окинул меня внимательным взглядом.

На этот раз Ли Шуцзюнь прибыл в Китай с инвестиционными целями и рассчитывал использовать связи моего отца для расширения круга знакомств. Отец, разумеется, с готовностью пообещал содействие.

Слушая вполуха их деловой разговор о планах Ли Шуцзюня, я не мог не признать: деловая хватка у того действительно имелась отменная.

Все официальные вопросы были улажены прямо за столом, после чего отец пригласил брата и сестру остановиться у нас.

Ли Шуцзюнь вежливо отказался. Ли Шань выглядела разочарованной, но под строгим взглядом брата промолчала, лишь бросила на меня напоследок:

— Брат Шэнь Жун, раз я вернулась, тебе придется как следует поводить меня по городу.

Я кивнул, выражая согласие.

На обратном пути вёл отец, а мы с матерью расположились на заднем сиденье. Когда машина тронулась, она поинтересовалась:

— Ну как тебе Шань-Шань?

— Хорошая девчонка, — ответил я.

— А как насчёт того, чтобы сделать её своей девушкой? — с сияющей улыбкой предложила мама. — Твой отец с дядей Ли — близкие друзья, а Шань-Шань и красива, и мила, ты ни капли не потеряешь с такой парой.

Я привёл самый банальный довод:

— Mam, я ещё слишком мал, о романах пока не думаю.

Мама рассмеялась:

— Где это видано, чтобы в университете не заводили девушек? Вон у Лэй Цзина есть подружка. Вы же ровесники, почему он может, а ты нет?

— Mam, дело не в этом, — отмахнулся я. — Главное — я воспринимаю её исключительно как младшую сестру.

— Чувства со временем приходят. Раз уж рядом всё равно никого подходящего нет, почему бы не попробовать? — не унималась она.

— Mam, у меня к ней душа не лежит.

Мама слегка помрачнела:

— Что за упрямство? Я же не заставляю тебя тут же вести её под венец, просто пообщайтесь для начала.

Тут в разговор вмешался отец:

— Ладно тебе, Шэнь Жун ещё молодой, некуда спешить.

Только тогда мама успокоилась и замолчала.

Я закрыл глаза. Не лежит душа — значит, не лежит. В вопросах чувств я привык руководствоваться исключительно собственным сердцем и не относился к числу тех, кто способен стерпеть ложь ради чьего-то спокойствия. Это было бы нечестно ни по отношению к другим, ни по отношению к себе самому. К тому же наши текущие отношения с Цзин Си выматывали меня настолько, что тратить силы на притворство с нелюбимой девушкой было бы просто неуважением к нему.

Вернувшись домой, мама сразу ушла к себе, а я направился в кабинет.

Отец просматривал какие-то бумаги. Заметив меня в дверях, он улыбнулся:

— Что-то хотел?

Я вошёл и присел напротив него:

— Пап, я тут подумал... хотел бы заняться небольшими инвестициями.

Отец удивленно вскинул брови.

<http://bllate.org/book/24817/2935821>